

Борис Верхоустинский

Атаман

Борис Верхоустинский
Атаман

«Public Domain»

1912

Верхоусти́нский Б. А.

Атаман / Б. А. Верхоусти́нский — «Public Domain», 1912

«Набережная Волги кишела крючниками – одни курили, другие играли в орлянку, третьи, развалясь на булыжинах, дремали. Был обеденный роздых. В это время мостки разгружаемых пароходов обыкновенно пустели, а жара до того усиливалась, что казалось, вот-вот солнце высосет всю воду великой реки, и трехэтажные пароходы останутся на мели, как неуклюжие вымершие чудовища...»

© Верхоусти́нский Б. А., 1912

© Public Domain, 1912

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Борис Верхоустинский

Атаман

I

Набережная Волги кишела крючниками – одни курили, другие играли в орлянку, третьи, развалясь на булыжинах, дремали. Был обеденный роздых. В это время мостки разгружаемых пароходов обыкновенно пустели, а жара до того усиливалась, что казалось, вот-вот солнце высосет всю воду великой реки, и трехэтажные пароходы останутся на мели, как неуклюжие вымершие чудовища.

Перс Суран-хан, кирпичнолицый, бородатый, бритый, с выкрашенными ногтями, сидел в одних портках, без рубашки, на цибике чая и строго смотрел на синее небо.

После долгих размышлений он важно закурил глиняную трубку и с шумом плюнул в воду, переливавшуюся тысячами цветов из-за плававшей по ней нефти.

– Хан!

Перс обернулся: сверху набережной по шатким ступеням лестницы спускался мальчуган-оборвыш с здоровенным арбузом под мышкою.

Перс выстукал из трубки недокуренную махорку. Ну, ее, – какой это дурак придумал курить в такие жаркие дни? Съесть пол арбуза будет куда лучше.

Оборвыш сел на цибик рядом с Суран-ханом и разрезал темнополосый арбуз пополам. Принялись его уничтожать, громко чавкая. Когда от арбуза остались лишь корки, перс вздохнул и вытер мозолистою рукою губы.

– Эх! Караша, та малы.

– А ты жри, что дают! – ответил оборвыш.

Перс опять закурил трубку и опять плюнул в расцветченную воду.

– Ну, а теперь расскажи, каково у вас там, – попросил, болтая ногами и не глядя на собеседника, мальчик.

– О-ой, жаркы! – вздохнул Хан.

– Ну, а как жарко?

– А ошен жаркы...

– Дурак! Говори толком. Заладил, что индюк: «жаркы! жаркы!»! Басурман голопузый!

– А... а ты чэго? – обиделся перс, – хочэш, тэбэ в лэпешка сдэлай?.. Тэпэрыча там – о-ой, тэм как... Кароший страна Персия, и бабы карошиэ.

Черные глаза перса мечтательно сузились, а широкие плечи поднялись выше. Мальчик, сурово прищурясь, посмотрел в даль реки. По ее ослепительной, как расплавленное стекло, поверхности вяло полз черный буксир, похожий на водяного таракана. Этот таракан тужился, изнемогал, волоча за собой на толстом канате огромную мачтовую баржу. Ей-Богу, ежели увидеть этакую махину во сне, то примешь ее не иначе, как за корабль. Вот было бы ловко, кабы ее подарили Волчку. Он, Волчок, прорубит в бортах окна, просунет пушки, нарядится в шелковую рубаху, плисовые шаровары и лакированные сапоги – и в добрый путь, за Астрахань, на Каспий – стрелять, грабить, рубить топорами.

– Хан!

– Чэго тэбэ?

– Поедем, хан, к Каспию... Рыбачить, да на промыслах воровать. А оттудова в Персию, уокошим купца какого-нибудь, будем богатыми.

Перс отрыгнул и повел плечами:

– А высэлыца хочэш?

Оба, раздумывая, замолкли. Но вдруг перс ударил себя по бокам, прыснул от хохота и оскалил зубы, белые, как у хищника. Удивительно веселые вещи ему вспомнились! В Шуше то было, на Кавказе. Хан служил у одного зажиточного армянина конюхом. Вдруг – щуп! щуп! – татары – в армян, армяне – в татар. Сколько пуль было изведено! Собрать тот свинец да снести в духан, так целый день можно пить и тутовку, и кахетинское, и нанять музыкантов с зурнами. Армянина ранили в руку, дочери перевязали ее; старшая дочь была беременная, но такая красавица... Татары вечером поймали ее на улице, раздели донага, и человек тридцать – в-ва!.. А потом отнесли на угол, вспороли ей живот, вынули младенца и положили к ее белым грудям.

– А и сволочь же ты! – нахмурился Волчок, – не буду больше тебе воровать арбузов.

Волчок спрыгнул с цибика и побежал по шатким ступеням лестницы вверх набережной. Суран-хан смущенно посмотрел ему вслед. Какой глупый Волчок! Как же можно лишать человека даровых арбузов, когда он к ним привык!

II

Покинув Суран-хана, Волчок долго стоял наверху набережной, облокотившись о чугунный барьер. Он смотрел, как река длинной серебряною лентой ползла и извивалась, словно убегала из плена. Левый берег казался таким далеким-далеким, почти игрушечным. Голубела игрушечная церковь, пестрели игрушечные домики, а люди маячили черными вертявыми точками. Ни лиц, ни платья их нельзя было разобрать. По обеим же сторонам слободы тянулись бархатные заливные луга, а за ними чуть синела кайма леса. Слобода стояла на пригорке; в половодье луга вплоть до леса исчезали под водой, и тогда она была островом.

Сообщение между берегами поддерживал остроносый пароход, похожий на селедку. Он свистел, шумно хлопал красными лопастями колес по сонной воде и на длинном канате тянул за собою паром с лошадьми и возами. Волчок всегда изумлялся, когда пароход и паром подплывали к пристаням. Купцы, чиновники, мужики, барыни, дети, почтальоны и разносчики – ф-фу ты! И откуда только вылезала этакая прорва людей! Низ набережной сразу становился муравейником. Одни муравьи ползли длинными вереницами по деревянным лестницам вверх, к Волчку; другие входили в белые ворота, похожие на разинутый рот, и торопливо взбирались вместе с возами и извозчичьими пролетками на гору, в город.

– Пойду плюну! – пронеслась у Волчка мысль. Он стремительно сорвался с места, в прыжке побежал по песку набережной к той ее части, где в старину были прорыты ворота; остановился над самой их серединой, перегнулся, прицелился в шляпу какой-то барыни и сплюнул. К несчастью, он рассчитал плохо, плевком отнесло в сторону, на картуз извозчика, – бородатый болван ничего не заметил. Тогда Волчок повторил свой опыт; на этот раз вышло удачнее – слюна упала прямо в лоток с яблоками, кто-нибудь да купит же это яблоко...

– Ты что тут делаешь, негодяй? – вдруг раздался солидный голос за спиной Волчка, но он не растерялся: скорчив страдальческую гримасу, Волчок обернулся к застигнутому его на месте преступления барину в белой шляпе и с тросточкой.

– По-дай-те, Христа ради, ко-пе-е-чку! – завыл он, изгибаясь как угорь.

Барин поправил золотые очки на носу и, немного озадаченный наглостью оборвыша, неуверенно повторил:

– Что ты здесь делаешь? На народ плюешь, а-а?

– Ба-арин, Христа ради, ко-о-пе-е-чку! – еще плаксивее заголосил мальчик и даже втянул щеки в рот, чтобы показаться исхудалым от голода.

Барин изменился в лице.

– Да ты, может, спрыгнуть хотел?

– Х-х-хо-тел! – сквозь слезы прошептал Волчок. – Мамка палкой обидела. За фатеру не плочено... Хлеба не на что...

Барин смущенно пошарил в кармане кителя, вытащил кошелек и, избегая приниженных взоров Волчка, подал ему двугривенный, потом, поколебавшись немного, добавил еще гривенник.

– На, только уйди отсюда, уйди сейчас же... Ты – умный мальчик и не должен падать духом: свет не без добрых людей.

Барин пошел дальше своею дорогой, а Волчок весело засеменял голыми пятками по боковой дорожке бульвара, обсаженного пахучими вековыми липами. Он бежал во всю прыть, чтобы барин не одумался и не отнял двух серебряных денежек.

Добежав до переезда, разрывавшего тенистый бульвар на две части, Волчок свернул на площадь, где полукругом стояли скучные трехэтажные дома с посеребрившею штукатуркой. «Окружный суд», «Архив», «Мужская гимназия», «Казначейство» – чернели на этих домах

угрюмые надписи. Волчок терпеть не мог проходить здесь; если бы не безотлагательные дела, сюда его не заманить бы и горячими калачами.

Миновав площадь, Волчок понесся к табачной фабрике, где работала укупорщицей его тринадцатилетняя сестра Ленка. Чем дальше бежал Волчок, тем зеленее становились деревянные дома и заборы загаженной махорочной пылью улицы. И так воняло дешевым нюхательным табаком, что прохожие тут всегда чихали.

Фабрика вся содрогалась и глухо гудела. Волчок несколько раз бывал в ее середине – гибель народа, гибель машин, словно чертово место там. Сам сатана хозяином; он пустил колеса, надел на них ремни, шириною чуть ли не в грудь Волчка, приволок из ада ящики, накидал табаку и подрядил мастеров. Хитрый бес!

Волчок вытащил откуда-то из своих лохмотьев кусок мела и нарисовал едва заметный крестик на железных воротах фабрики. Он не рассчитывал быть дома до самого вечера, а потому крестиком сообщал Ленке, чтобы она приходила сразу же после работы в колокольную лавку, как Волчок называл один павильон полуразрушенной выставки. Выставка эта устраивалась года полтора тому назад. Сколько народу на ней перебивало, чего-чего там не красовалось в пяти дворцах-павильонах! Сеялки, плуги, молотилки, машины для пахтанья масла, огнетушители, картины, таблицы, испещренные цифрами, камни, меха, полотна, игрушки и тысячи необычайных вещей, вроде чучела дикаря, едущего на санях, везомых оленьими чучелами. Кроме того, там были две башни, с которых пускали шелковых змеев и воздушные шары, чтобы узнать какая будет погода.

Ныне же царем всех пустых дворцов – он, Волчок! Две версты пришлось ему обежать, исследуя дощатный забор, которым обнесена выставка, – наконец, труды увенчались успехом, он отыскал удобную лазейку.

Выставка была на той же улице, где и фабрика. Уж очень красивые ворота построили для нее плотники – расписные, узорчатые. Жаль только – дожди посмыли краску, да и фабрика наплевала на них много зелени. А все же хорошие ворота, будто девушка в малороссийском сарафане.

И на них мел Волчка начертил крестик. Пусть сегодня все соберутся в колокольную лавку.

Покончив с знаками, Волчок понесся к церкви Параскевы-Пятницы, что в конце прозеленой улицы. Церковь старая – видела на своем веку и татар, и злых воевод, и гулящих людей, сподвижников Стеньки Разина. Синий купол с золотыми звездами; стены толстые, древние, но выбелены заново. Ходила в нее больше фабричная голытьба, да и то не горазд. По вечерам здесь было не совсем безопасно, рядом ютились Таборы, пригород, населенный золоторотцами, крючниками, нищими, ворами и самыми дешевыми потаскушками. У церковной паперти зачастую происходили побоища с ножами, свинчатками, с разбивающими череп гирьками.

Волчок прошмыгнул за церковную ограду и, отворив щелистую дверь сторожки, остановился на пороге.

– Ванька!

В сторожке женщина с изможденным лицом качала зыбку, подвешенную к потолку. «Баю-баюшки-баю! Не ложися на краю!» – тихо напевала она, но при виде Волчка перестала петь.

– Здравствуй, Волчок! Ванюха гуляет с мальчишками на речке, у мельницы. А тебе зачем его надобно?

– Да так, надобно! – замялся Волчок.

Женщина пристально взглянула на него, и под ее взором Волчок покраснел. Не видит ли она его душу? Чего доброго, тогда она узнает, зачем ему нужен ее сын.

– Тетя Шура!

– Ну?

Волчок совсем растерялся; кроткие глаза женщины как-то поширели и опечалились. Ей-ей, она что-то видит. Не влопаться бы впросак; даром, что он ловок врать, а тут можно попасться и выдать все.

– Хочешь гривенник? – пробормотал Волчок, торопливо нашаривая монету.

– А откуда он у тебя?

– Нашел! – твердо произнес Волчок, протягивая деньги женщине, но та не приняла от него подарка; тогда Волчок захлопнул дверь и помчался через Таборы на речку, к паровой мельнице, где обыкновенно купались ребята в теплой воде, выпускаемой из мельничных котлов.

Подумать страшно, сколько всякой дряни приносила эта речонка в Волгу. Дохлых собак, гнилых арбузов, стружек, навоза, ломанных корыт... А нефть, краска, отбросы из ретиратов? И в такой-то помойной яме купались все таборцы, хотя называли ее Тухлой.

Когда Волчок выбрался на загаженную набережную, без перил, без мостовой, с пришибленными и словно издыхающими лачугами, он увидел золоторотца и потаскушку, раздевающихся на берегу в разохшемся челне.

Волчок остановился.

Первым обнажился мужчина. Его тело было крепко и смугло, а на левой руке краснела шерстинка от дурного глаза. Оголившись, он помог бабе, совсем дрянной бабе... Волчок с удовольствием залимонил бы в ее отвислое брюхо камнем. Изрытое оспой лицо, рыжая косенка – и все это в грязи. Но вот женщина бросилась с челна в воду, вздымая тысячи брызг, искрящихся на солнце, – и вот совершилось чудо, когда она, проплыв по-лягушачьи до того берега, вернулась обратно и встала лицом к Таборам.

Волчок увидел прекрасное, сверкающе-белое тело: солнце и вода, хотя и нечистая, преобразили потаскушку. Волосы на ней горели, как золото.

– Ишь ты, стерва! – весело подумал Волчок, идя к мельнице. – Обязательно надо жениться. Слава тебе, Господи, пятнадцатый год! Есть и невеста на примете...

Волчок перепрыгнул с берега на хлюпающие под его ногами бревна плота.

– Ва-ань-ка-а-а! – басисто крикнул он, приставив ко рту ладони в виде рупора.

На краю плота несколько голых мальчишек сидели, спустив ноги в воду, и курили. Их было шесть человек, но имели они лишь две папиросы, по папиросе на троих. Затягивались по очереди, да и то не во весь дух, а в полдуха. Рядом с ними, на ослизлых бревнах, валялись рубахи, картузы и штаники. Сапогов же ни у кого, кроме Ваньки, – сторожева сына – не было.

Ванька обернулся на зов, передавая драгоценный окурок следующему счастливцу.

– Приходи в колокольную! – таинственно шепнул Волчок, здороваясь с ним. Ванька покорно кивнул головой. Белобрысый, толстый и сонливый, он был полной противоположностью смуглому и худощавому Волчку. Совсем нестоющий мальчишка, ждущий хорошего кулака. Да и порядочный трус к тому же. Волчок его не уважал и дорожил им исключительно из-за его обширных знаний по части городов, стран народов и морей. Ванька учился в городском училище, откуда он и выносил всю свою премудрость. Однако, раздражал Волчка он нестерпимо.

Для расейского солдата
П-п-пу-л-л-и, бондбы ничево:
С ними он за панибрата,
Все безделки для него!

– запел Волчок, схватывая Ваньку подмышки и спихивая в воду. Тот на секунду исчез, потом, фыркая и отплеываясь, вынырнул. «Черт! Сволочь проклятый!» – ругался он, взбираясь на плот, но хохочущий Волчок уже взлетал по глинистому откосу на набережную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.